

УДК 811.161.1–085.3:821.161.1«191»–1.09

Репрезентация лексико-семантического поля «Война» в поэтических текстах начала XX века

И. И. БУТЯКОВА

В творчестве выдающихся поэтов начала 20 века – А. Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Гумилева и О. Мандельштама – «военная» тематика нашла довольно полное отражение, так как сами поэты явились современниками двух войн. Поэты по-особому, более тонко и обостренно восприняли войны и их последствия, которые несут гибель, смерть, горе и разруху. Можно предположить, что в «военной» поэзии будут представлены сходные и отличительные особенности восприятия жестокой действительности. При этом нельзя не учитывать объективные различия в восприятии войны мужчинами и женщинами. Если для Н. Гумилева, поэта-воина, война воспринималась как освободительная борьба, то для О. Мандельштама война – это начало конца, а для А. Ахматовой и М. Цветаевой война – это потеря близких и родных людей.

Ядром лексико-семантического поля «Война» является соответствующая лексема, имеющая значение ‘вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства’ [1, с.93]. Слово *война* – одно из ключевых слов в поэзии начала XX века: *И воистину светло и свято/ Дело величавое войны...* (Н. Гумилев); *Во мне еще, как песня или горе,/ Последняя зима перед войной* (А. Ахматова); *На лбу высоком человечества/ Войны холодные ладони* (О. Мандельштам); *Положите меж трав и хвой, – / Голова устала от войн...* (Цветаева). Очень важно, как отмечает О.И. Ревуцкий, «обратить внимание и на такую особенность ключевых слов, как способность концентрировать вокруг себя тематически однородные элементы, т.е. слова, принадлежащие к тем же семантическим полям, что и ключевые» [2, с. 81].

Война в русском языковом сознании ассоциируется прежде всего со смертью и неизбежной потерей близких людей: *Мы со смертью пировали – Было страшно, как во сне* (О. Мандельштам); *Как после залпа сразу тихо стало,/ Смерть выслала дозорных по дворам* (А. Ахматова); *И проволока под небом/ Поет и поет смерть* (Цветаева). Отметим также, что в ассоциативное поле понятия «смерть» входит существительное *могила* ‘яма для погребения тела умершего, а также насыпь на месте погребения’, встречающееся в большом количестве контекстов: *Сроки страшные близятся. Скоро/ Станет тесно от свежих могил* (Ахматова); *Осыпались листья над Вашей могилой,/ И пахнет зимой* (Цветаева). Зачастую смерть называется опосредованно через лексически близкие понятия: *На Казанском или на Волковом/ Время землю пришло покупать* (Ахматова). В данной строфе стилистически нейтральное предложение приобретает негативную ассоциацию со смертью, поскольку в роли определений выступают названия известных кладбищ (Казанское и Волково). Подобные ассоциации повторяются и в строфе: *Мне одной справлять новоселье/ В свежевыкопанном рву* (Ахматова), причем соединение положительно коннотированного сочетания *справлять новоселье* с лексически нейтральным *свежевыкопанном рву* приобретает негативную символику: ров сравнивается с могилой, в которой будет лежать человек. Подобная ассоциация встречается и у О. Мандельштама: *Неподкупное небо окопное – / Небо крупных оптовых смертей*, где *окоп* ‘укрытие для стрельбы и для защиты от огня в виде неглубокого рва с насыпью’ приобретает негативный оттенок и сопоставляется с могилой, так как он становится местом *оптовых смертей*.

Война неизменно ассоциируется с кровью (кровопролитием), потому что, как отмечалось ранее, война – это всегда преждевременная смерть, связанная с тяжелыми ранениями: *И*

залиты кровью недели/ Ослепительны и легки (Н. Гумилев); Кровь-строительница хлещет/ Горлом из земных вещей... (О. Мандельштам); Любит, любит кровушку/ Русская земля (А. Ахматова). Война закономерно ассоциируется с огнем и пожаром: Та страна, что могла быть раем,/ Стала логовищем огня...Н. Гумилев); На страшной высоте блуждающий огонь! (О. Мандельштам); Все занялись военной суетой,/ И от пожаров сделалось светло; Тот август как желтое пламя,/ Пробившееся сквозь дым,/ Тот август поднялся над нами,/Как огненный серафим. (А. Ахматова). Отметим, что в стихотворении Н. Гумилева противопоставляются рай 'место, где души умерших праведников пребывают в вечном блаженстве' и логовище огня 'место, где обитает огонь'. Следовательно, данное противопоставление условно можно соотнести с оппозицией «мир (=рай) – война (=огонь)».

Накануне первой мировой войны «все жили под знаком гибели, с предчувствием гибели, ожиданием гибели и жадной гибели» [3, с.308]. Произведения этого периода проникнуты апокалиптическим «чувством конца», что находит выражение в соответствующей лексике: До смешного близка развязка...// Все равно подходит расплата ... (А. Ахматова); Мать – крест надевала солдату,/ Мать с сыном процались навеки... (Цветаева). Однако в строках Цветаевой отражается народная традиция надевать крест (нательный) человеку, которого ждут какие-либо испытания, в надежде на то, что он будет оберегать и защищать человека.

Особенный «лексический рисунок» имеют стихи о войне Н. Гумилева, который до 1916 г. готов был оправдать войну, хотя и видел неисчислимы страдания, которые она принесла народу. Его строки о войне проникнуты торжественностью и патетичностью, поскольку он считал войну «праведным делом»: И в дни прекраснейшей войны,/ Которой кланюсь я земно,/ К которой завистью полны/ И Александр и Агамемнон; И воистину светло и свято/ Дело величавое войны. Несколько иной «лексический рисунок» имеют стихи о войне Н. Гумилева, который до 1916 г. готов был оправдать войну, хотя и видел неисчислимы страдания, которые она принесла народу: И воистину светло и свято/ дело величавое войны.... В «Записках кавалериста» Гумилев пишет: «И в вечер этого дня, ясный нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул «ура», с которым был взят В. Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня... Наступать всегда – радость, но наступать по неприятельской земле, это – радость, удесятренная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы...» [4, с.59]. Н. Гумилев был военным, хорошо знал солдатский быт, видел грязь и кровь, так как постоянно находился на передовой, отличаясь при этом большой личной храбростью: Знал он муки голода и жажды,/ Сон тревожный, бесконечный путь./ Но святой Георгий тронул дважды/ Пулею нетронутую грудь.

Поэтические произведения О. Мандельштама о войне отличаются от стихотворений Гумилева набором лексических средств, так как Мандельштам не был на фронте и вследствие этого описывал войну опосредованно, как наблюдатель: Опять войны разноголосица/ На древних плоскогорьях мира,/ И лопастью пропеллер лоснится,/ Как кость точеная тапира. Вместе с тем, многие образы его произведений соотносятся с восприятием Гумилева: В белом раю лежит богатырь:/ Пахарь войны, пожилой мужик. У Гумилева солдат ассоциируется со жнецом, а у Мандельштама – с пахарем. И тот и другой связаны с землей, а ратный труд солдата – защита этой земли. Следует отметить, что подобные ассоциации встречаются только в «мужских» текстах, так как и пахарь, и жнец, и солдат – тяжелые мужские профессии, и именно мужчина может сопоставить труд этих людей.

Война в творчестве А. Ахматовой и М. Цветаевой осмысливается чисто по-женски, на эмоциональном уровне. Для поэтесс война ассоциируется с горем, несчастьем, слезами, что особенно наглядно выражается в следующем контексте: Прикинувшись солдаткой, выло горе... (Ахматова). Ахматова сопоставляет горе с солдаткой – женой солдата, ушедшего на войну. Олицетворение «горе-солдатка» подчеркивает именно женское восприятие несчастья: горе не плачет, а воет, т.е. издает протяжный громкий плач, вопль. Для описания страданий, выпавших на долю людей, Ахматова неоднократно обращается к существительному плач: Над ребятами стонут солдатки,/ Вдовий плач по деревне звенит.// Вдруг запестрела тихая дорога,/ Плач полетел, серебряно звеня... Зачастую поэтесса использует фольклорную стили-

зацию и соответствующую ей лексику: *Не бывать тебе в живых./ Со снегу не встать./ Двадцать восемь итыковых./ Огнестрельных пять./ Горькую обновушку/ Другу шила я./ Любит, любит кровушку/ Русская земля.* Образ женщины-земли позволяет показать весь ужас войны: человек, рожденный на земле женщиной, возвращается, будучи убитым, в землю, которая принимает в себя и человека, и кровь. Представляет интерес также употребление оксюморонного словосочетания *горькая обновушка*, который обусловлен феминным характером текста: женщина шьет другу *обновушку* – новую вещь (использование уменьшительно-ласкательного суффикса характерно для «женской» речи), но *обновушка горькая*, т.е. горестная, так как друг умер, поэтому можно предположить, что *обновушкой* является «смертная» одежда. Употребление такого парадоксального по содержанию сочетания раскрывает сложное эмоциональное состояние героини. С.А. Станиславская отмечала, что в языке А. Ахматовой «по распространенности и значимости на первом месте стоят оксюмороны, смысловая сущность которых заключается в отрицательной оценке того, что в системе русских культурных ценностей оценивается положительно» [6, с.12].

При анализе ЛСП «война» в поэзии начала 20 века отдельного рассмотрения заслуживает использование колоративов, отражающих образное восприятие действительности. Цветообозначения особенно значимы в женской речи, поскольку связанные с ними ассоциации, реализованные в переносных значениях, позволяют представить широкий спектр эмоций. Каждое цветообозначение содержит два компонента: реальный и символический, причем реальность цвета воспринимается непосредственно, визульно, а цветовая символика – на эмоционально-чувственном уровне. Собранный материал позволяет сделать вывод о том, что слова, входящие в лексико-семантическое поле «Война», сочетаются в основном с прилагательными *красный* и *черный*. Чёрный цвет изначально несет в себе негативную символику и связанные с ним страх, ненависть, боль. С этим цветом ассоциируются представления о нечистой силе, потустороннем мире, смерти и войне: *Всё расхищено, предано, продано,/ Черной смерти мелькало крыло; Черных ангелов крылья остры,/ Скоро будет последний суд* (Ахматова); *Черный взгляд невероятно расширен/ От шампанского, войны и смычка* (Цветаева); *Что ж, гаси, пожалуй, наши свечи/ В черном бархате всемирной пустоты // Прозрачная весна над черною Невой* (Мандельштам). Сочетание прилагательного *черный* с нейтральными существительными *ангелы, взгляд, душа, бархат, Нева* позволяет наделять данные слова негативной семантикой: *черные ангелы* приносят смерть, *черный взгляд* пугает и настораживает, *черные души* отождествляются с ненавистью и предательством, *черный бархат пустоты* пугает своей неопределенностью, *черная Нева* ассоциируется с тайной и неизвестностью. Красный цвет, напротив, несет в себе изначально положительную, жизнеутверждающую символику, однако в произведениях о войне колоратив *красный* наделяется негативными представлениями: *Красной влагой тепло окропились/ Затоптанные поля* (Ахматова); *И жужжат шрапнели, словно пчелы,/ Собирая ярко-красный мед* (Гумилев).

Война в рассматриваемых поэтических текстах наполнена целой гаммой разнообразных чувств и эмоций, которые вербализуются в следующих лексемах: *страшный* (*Сроки страшные близятся. Скоро/ Станет тесно от свежих могил./ А теперь пора такая,/ Страшный год и страшный город* – Ахматова); *тоска* (*Она была. Не знали мы, что скоро/ В тоске предельной поглядим назад* – Ахматова); *боль* (*Я новым именем покрою/ Боль поражений и обид* – Ахматова); *усталость* (*Положите меж трав и хвой,/ Голова устала от войн* – Цветаева).

Война своей жестокостью и безумием заставляет человека думать о Боге, усиливая его веру; в Боге человек ищет защиту от войны, поэтому вполне объяснимо обращение поэтов к церковно-религиозной лексике: *Стало солнце немилостью Божьей,/ Дождик с Пасхи полей не кропил// Закрыв лицо, я умоляла Бога/ До первой битвы умертвить меня* (Ахматова); *Коли в землю солдаты всадили – итык,/ Коли красною тряпкой затмили – Лик,/ Коли Бог под ударами – глух и нем,/ Коль на Пасху народ не пустили в Кремль* (Цветаева); *Тружеников, медленно идущих/ На полях, омоченных в крови,/ Подвиг сеющих и славу жнущих,/ Ныне, Господи, благослови// Но не надо яства земного/ В этот страшный и светлый час,/ Оттого что Господне слово/ Лучшие хлеба питает нас* (Гумилев). В «женских» текстах присутствует поиск истины, обращение к Богу за помощью. В таких случаях нередко встречаются тексты,

написанные в жанре молитвы, что вполне естественно, особенно для «женских» текстов, поскольку молитва – это искреннее, глубоко эмоциональное общение с высшими силами. Именно поэтому одно из стихотворений в творчестве Ахматовой выдержано в форме молитвы: *Дай мне горькие годы недуга,/ Задыханья, бессонницу, жар,/ Отыми и ребенка, и друга,/ И таинственный песенный дар —/ Так молюсь за твоей литургией/ После стольких томительных дней,/ Чтобы туча над темной Россией/ Стала облаком в славе лучей.* Поэтесса просит Бога послать ей несчастья, отнять близких людей, но вернуть мир на землю, потому страх перед войной сильнее страха за свою жизнь.

Таким образом, лексико-семантическое поле «Война» представлено в поэзии начала 20 века словами, выявляющими сущность войны как явления, связанного со смертью, кровью, разрушениями, утратой близких. Вместе с тем в это ЛСП входит положительно коннотированная лексика, отражающая патриотические настроения. «Лексический рисунок» ЛСП «Война» во многом зависит не только от обстоятельств личной жизни каждого из поэтов, но и от специфики «женской» и «мужской» картин мира.

Abstract. The Representation of the lexico-semantic field “War” in poetic texts at the beginning of the 20th century is considered in the paper. It is shown that its specificity depends on the individual perception of the reality by each poet.

Литература

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003.
2. Ревуцкий, О.И. Анализ художественного текста на дискурсивной основе / О.И. Ревуцкий. – Мозырь: УО МГПУ, 2004.
3. Чуковский, К.И. Современники: Портреты и этюды / К.И. Чуковский. – Мн.: Нар. Асвета, 1985.
4. Гумилев, Н.С. Стихотворения и поэмы / Н.С. Гумилев. – Тбилиси, 1989. – 494с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1990.
6. Станиславская, С.А. Контраст как принцип организации поэтического текста: (на материале ранней поэзии А.Ахматовой и Н. Гумилева): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Станиславская. – Саратов, 2001.